

Пшеничное зерно

ДЖЕЙМС НУГИ

Кения

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

В ПЕРВЫЕ Томпсон попал в Восточную Африку в составе полка королевских стрелков во время войны. В 1942 году он участвовал в мадагаскарской кампании. Потом, вплоть до сорок пятого, служил в Кении. Вернувшись в Англию, он возобновил прерванные войной занятия в Оксфорде. И тогда-то, роаясь в старинных книгах, он ощутил, как в нем пробуждается интерес к истории становления Британской империи. Поначалу этот интерес был сугубо познавательный, без тени какого-то личного отношения. Но однажды, начитавшись Киплинга, Томпсон понял: он создан для великих свершений. Это было как вспышка молнии, как чудесное озарение. Да, судьба его предначертана свыше.

Он с жадностью перечитывал биографию лорда Лугарда¹, снова и снова листал его труды. И наконец случайная встреча с двумя студентами-африканцами превратила его смутные искания в конкретную программу действий. Африканцы расточали похвалы исторической миссии Англии. Эти сыновья вождей из тогдашней колонии Золотой Берег проявили тонкое понимание искусства, разбирались в истории и литературе не хуже, чем он сам. Томпсон пришел в восхищение. Ум его лихорадочно заработал. Вот два африканца, которые ни одеждой, ни речью не отличаются от англичанина. В их суждениях нет и намека на пресловутую иррациональность ума и предрассудки, приписываемые африканским и восточным народам. Все это вытеснили

три основных принципа западного мышления: здравый смысл, логика, чувство меры. Поразительно: африканцы гордились британской историей и британскими традициями как своими собственными. Томпсона охватило волнение, точно он стоял на пороге великого открытия. Что же значат эти традиции? Он бился над этим вопросом дни, недели, месяцы... Как-то ночью, лежа без сна, в чрезвычайном возбуждении, он наконец облек свои туманные планы в форму четкой идеи.

«Сердце переполнилось счастьем,— записывал он позднее.— В какой-то миг меня осенило, что создание Британской империи суть воплощение великой нравственной идеи. В конечном итоге возникает единая британская нация, которая сплотит людей разного цвета кожи и разного вероисповедания на основе справедливейшего представления об изначальном равенстве всех. Яркий свет растопил окружающий меня мрак...»

Превратить народы Британской империи в одну нацию! Вот в чем ответ на множество вопросов сразу. Не ради этой ли цели гибли тысячи африканцев на войне с Гитлером?

Он решил изложить свои мысли на бумаге. Он напишет книгу, философский трактат. Он попытается доказать, что англичанам свойствен некий особый взгляд на мир, отличные от других воззрения на устройство общества и отношения между людьми. Но эти идеалы можно привить и другим народам — достаточно изменить социальные и культурные условия их существования. Его книга явится обобщением опыта британского колониализма, всей истории колониализма, от Древнего Рима до наших дней.

Томпсон стал поклонником французской ассимиляторской политики, хотя к самим французам относился весьма критически. Он решительно отверг идею косвенного управления, предложенную «этим ретроградом» Лугардом: «Мы должны избежать ошибок французов, подвергших ассимиляции лишь горстку избранных. Объектом предлагаемой грандиозной программы перевоспитания станут африканские и азиатские крестьяне. Ведь и в Англии были низшие классы — фабричные рабочие, сельская беднота. Однако они давно уже превратились в равноправных членов общества!»

Томпсон с жаром излагал свои идеи Марджерии. Ее покорило грустное, аскетическое выражение его лица. Она восхищалась его умом, его нравственной силой и целеустремленностью. Он знал теперь: она пойдет за ним хоть на край света. Некоторое время спустя чета Томпсонов отправилась в Восточную Африку, не подозревая, что окажется в самом центре драмы, которую судьба уготовила английскому колониализму.

«Я в восторге,— записал Джон в дневнике по прибытии в Момбасу.— Какое счастье — снова очутиться на красной земле Кении! Я был здесь в годы войны, и мне понравился климат. Тогда я и предположить не мог, что приеду сюда вновь со столь почетной миссией...»

И вот эта запись перед ним теперь, накануне отъезда из Африки. Прикосновение Марджерии всколыхнуло воспоминания об огне, который бушевал в нем в ту пору. Безграничная вера в британский империализм побудила его однажды заявить: «Управлять людьми означает владеть их душой». Он сказал это в обществе офицеров, за ужином в гостинице «Нью-Стэнли». Вернувшись домой, он поспешил занести это изречение в дневник. Впрочем, нельзя сказать, что он вел дневник в общепринятом смысле. Нет, скорее это было скопище разнообразных записей и заметок, которые он делал

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня» № 3—4 за 1969 год.

¹ Лугард, Фредерик Дилтри (1858—1945) — английский колониальный деятель, один из создателей системы «косвенного управления» (осуществление колониальной политики при помощи племенной знати).

время от времени, надеясь использовать их в дальнейшем в своем философском трактате. Сейчас он листал эти дневники, останавливаясь на некоторых строках, особенно созвучных его настроению.

«...Окрестности Ньери — это горы, холмы и глубокие ущелья, сплошь поросшие непроходимыми лесами. Гигантские первозданные деревья, естественно, приводили в трепет первобытные умы. Мрак и таинственность леса побуждали дикарей обращаться к магии и ритуалам...»

«Что же такое «мау-мау»?..»

«Говорят: «Негр — это дитя, а с детьми нужна строгость». Я служил в Ньери, Гитхиме, Кисуму, Нгонге. Я согласен с этим...»

«И вновь я в Ньери. Переводим крестьян в укрепленные поселки, чтобы изолировать население от террористов. Сегодня, когда мы жгли хижины в опустевшей деревне, я вдруг подумал, что моя жизнь зашла в тупик...»

«Полковник Робсон, возглавлявший колониальную администрацию в Рунгее и Киамбу, зверски убит. Меня посылают вместо него в Рунгей. Пора прибегнуть к палке. Ни одно правительство не может мириться с анархией, ни одна цивилизация не допускала разгула страстей и дикости. «Мау-мау» — это зло. Если его не подавить в зародыше, погибнут все ценности, на которых зиждется наша цивилизация...»

«Африканцы поистине непостижимы. Вчера ко мне в кабинет пришел один из них и выдал лидера террористов, которого мы давно разыскиваем. Я был уверен, что он лжет, пытаясь либо нас завлечь в ловушку, либо себя выгородить. Ведь любой африканец — природный актер, и поэтому они лгут с чрезвычайной естественностью. И вдруг — сам не знаю, что со мной стряслось, — я плюнул ему в лицо...»

Томпсон очнулся. Глаза смотрели холодно и зло. До инцидента в Рире перед ним открывался широкий и светлый путь наверх. И только теперь, в Гитхиме, он ощутил всю иронию этих глубокомысленных записей. Судьба посмеялась над ним. Какая язвительная насмешка почетным гостем на церемонии провозглашения независимости Кении.

Прикосновение жены всколыхнуло воспоминания о прошлом, но и они отравлены иронией. Ну предположим, он достиг бы вершины, стал комиссаром провинции или даже губернатором. Все равно, теперь бы он лишился всего так же, как лишается этого домика и своего кабинета в Гитхиме. Вся страна уплывает из рук...

Так пускай дуры вроде мисс Линд остаются здесь. Рано или поздно им дадут пинка в зад. С него довольно! Он подал в отставку. Он не станет дожидаться, пока черномазые слуги будут вытаскивать белых за ноги из спален... Надо поговорить с Марджери. Она как будто снова с ним... Он читал это в ее глазах. Она поможет ему забыть все, выстоять... Душа выжжена дотла!.. Нужно перебороть себя... Он пошел в ванную. Сердце трепетало в страхе и надежде перед великой исповедью.

Он тихонько приоткрыл дверь в спальню и вошел, не включая света. В темноте будет легче...

Человек живет, чтобы все время умирать и рождаться вновь... Он нащупывал путь в плотной, обволакивающей тьме. Вытянутые вперед руки слегка подрагивали. Но добравшись до постели, он понял, что Марджери уже спит, и вдруг ощутил огромное облегчение, почти признательность к ней. Он лег, но еще долго-долго не мог уснуть.

* * *

К западу от Табаи лежит нагорье, а восточный склон холма плавно спускается в уютную долину, где расположено торговое местечко Рунгей. Все местечко состоит из двух рядов крытых тонкой жестью лавок. Когда с окрестных холмов спускаются женщины, чтобы продать или купить провизию и обменяться новостями, проулок между лавками превращается в базар. В Рунгей проторили дорожку и индийские торговцы из Найроби. Приедут, навезут товаров, азартно торгуются, сыплют такими непристойностями, что женщины от смеха хватаются за животы; распродав свои товары, закупают овощи и другие продукты, везут их в Найроби, сбывают горожанам втридорога. Некоторые индийцы даже переселились поближе к Рунгею. В нескольких минутах ходьбы от африканских лавок возник индийский поселок, тоже в одну улицу, с домиками, сбитыми из листов рифленого железа. Во время уборки урожая эти индийцы тоже скупали картофель, горох, бобы и кукурузу на рунгейском базаре. Но, в отличие от столичных купцов, не везли все это в город, а припрятавали здесь же, выжидая, когда для крестьян наступят трудные времена.

Африканские лавки, хоть их жестяная кровля часто протекала, имели все же то несомненное преимущество, что сложены были из кирпича или камня. Говорят, что на всей земле кикуйю Рунгей был первым поселком с такими домами. Были у Рунгея и другие достоинства. Стальная змея проползла по этой долине, прежде чем взбираться на гору, к Кисуму и Кампале. Жители дальних холмов, обойденных железной дорогой, крепко завидовали табайцам. Издалека, с границ земли масаев, приходили в Табаи люди, чтобы поглазеть на грохочущее чудовище, свистящее и рыгающее дымом. Табайцы гордились Рунгеем и предъявляли на него все права собственности. Железная дорога и поезда, как им казалось, обязаны своим появлением табайцам. Ведь это же они с таким радушием встретили стальную змею, когда она объявилась в самом сердце страны. При этом табайцы — очевидно, из скромности — умалчивали о том, что вам и сейчас охотно расскажут жители соседних холмов: едва стальная змея, чье появление предсказал пророк племени, показалась на их земле, деревня Табаи точно вымерла. Мужчины, женщины и дети разбежались по соседним холмам, целую неделю хоронились в лесах. И лишь когда посланные на разведку воины, вооруженные мечами и копьями, вернулись с известием, что стальная змея не ядовита — ведь розовощекие чужеземцы до нее дотрагиваются, — лишь тогда, да и то не сразу, поодиночке, табайцы вернулись домой.

Со временем железнодорожный перрон стал излюбленным местом сборищ молодежи. Они и на

неделе виделись каждый день, ходили в дом друг к другу, вместе гуляли по лесу, а то и толпой отправлялись в церковь. Но это так, будни, а вот в воскресенье!.. В воскресный полдень у рунгейского полустанка встречались два пассажирских поезда — момбасский и кампальский. Быть может, вы думаете, что молодежь шла встречать родственников, ездивших в Момбасу, Кисуму или, скажем, в Кампалу, — упаси бог! Просто им хотелось собраться всей гурьбой, поболтать, посплетничать, посмеяться.

А сколько любовных историй началось на этом перроне, сколько свадеб, счастливых и неудачных браков состоялось благодаря этому полустанку!

— Идешь сегодня к поезду?

— А как же!

— Зайди за мной, ладно?

— Только чтобы мне ждать не пришлось. А то я тебя знаю: пока соберешься да оденешься — весь день пройдет.

— Да будет тебе, уж ты скажешь!

Девушки начинали готовиться еще в субботу. Шли на реку стирать свои наряды. Воскресное утро уходило на утюжку и заплетание косичек. К полудню приготовления заканчивались, и табайские кокетки чуть не бегом устремлялись к полустанку. Парням беспокойства было меньше. Большинство из них и без того целыми днями околачивалось в рунгейских лавках, в двух шагах от перрона.

Этот перрон всю округу как магнитом притягивал, полонил все умы. Если ты не поспевал к поезду, всю следующую неделю тебе чего-то не хватало, ты томился в ожидании воскресенья. Наконец оно приходило. На этот раз ты спешил на станцию загодя, и, когда вдали появлялся паровозный дымок, грусть и тоску как рукой снимало.

Проводив поезда, как правило, шли танцевать в лес Киненье; оттуда вся долина Рифт-Вэлли видна как на ладони. Конечно, здесь главными были гитаристы. Местные красотки порхали возле них, одаривали многозначительными взглядами. Мужчины расплачивались звонкой монетой. Когда кто-либо «покупал танец», музыкант играл и пел лишь для него, воздавая должное щедрости славного сына досточтимой матери. А «заказчик» либо исполнял танец в одиночестве, либо приглашал участвовать в нем ближайших друзей. Остальным разрешалось только смотреть. Эти неписанные правила соблюдались свято.

Танцы частенько заканчивались потасовками. Это было в порядке вещей, и все всегда были к этому готовы. Парни задирали друг друга обидными и оскорбительными песенками. Дрались группами, холм на холм. Табайцы в этих стычках неизменно одерживали верх, и все девушки доставались им. Девушкам нравились табайские парни, и они легко сдавались на милость победителей.

На перроне же все обстояло иначе. Там никому бы и в голову не пришло затеять драку. И даже парень, поколотивший тебя в прошлое воскресенье, отбивший твою девушку, держался с тобою здесь как закадычный друг. Все вместе болтали и смеялись. Но парень этот прекрасно знал, что в лесу ты постарайся подстеречь его, пырнуть ножом, увести в отместку его девушку...

— Не было случая, чтобы я пропустил поезд, — вспоминал Гиконьо. — Любил потолкаться на людях. И все же самым счастливым днем в моей жизни был именно тот, когда я опоздал к поезду...

(Продолжение следует)

*Перевел с английского
Виктор Рамзес*

СОМАЛИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Когда речь идет о твоём добром имени,
гляди в оба.

*

Человек,
который убил тебя на солнцепеке,
не перенесет тебя в тень.

*

В своём доме каждый — султан.

*

В трёх случаях можно хорошо узнать
друг друга:
веселясь на пиру,
сражаясь в бою и живя по соседству.

*

Только от сытой жизни приходят веселые мысли.

*

Приговор у судьи один,
а истец и ответчик улыбаются по-разному.

*

Добрый конь может проголодаться,
но не устать.

*

Тонущий человек цепляется за пену ручья.

*

Сначала ты удивляешься своему соседу,
потом сам ему подражаешь,
а там, смотришь, и перещеголяешь его.

*

Когда один глаз болен, другой плачет.

*

Не^о заглядывать муравью в глаза,
а человеку — в сердце.

*

Кого ты не узнал за день,
не узнаешь и за сто!